

Помню, что в 1960-е годы, когда я ещё только начинала учиться на художника в специальной школе, знакомые «технари» частенько спрашивали меня о «Чёрном квадрате» Казимира Малевича: «За что ценят это примитивное произведение? Ведь так может нарисовать любой человек!». Мне было затруднительно отвечать на этот вопрос. Я и сама не понимала, почему этот странный холст висит в Русском музее на почётном месте. Но ведь ради чего-то художник сделал такую работу, есть тут, наверное, какой-то тайный смысл?

Ответ я нашла много позже в музее Петербургского авангарда (иначе «Дом Матюшина»), на улице профессора А. С. Попова, д. 10. Это было в 2012 году.

Но ещё больше, чем история пресловутого «Чёрного квадрата», меня тогда заинтересовала личность художницы и поэтессы Елены Генриховны Гуро (1877–1913), когда-то живущей в этом доме, в трёх комнатах квартиры № 12 на верхнем этаже небольшого особняка. Она была супругой известного авангардиста Михаила Васильевича Матюшина (1861–1934). Я знала, что среди поэтов Серебряного века существовало немало художников по профессии, но не предполагала, что были там и смелые особы женского пола, профессионально сочетавшие в своём творчестве две эти ипостаси. Поэтому мне, окончившей высшее Художественно-

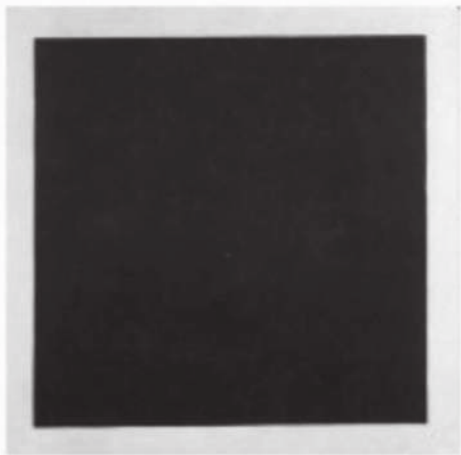

Елена Гуро

промышленное Училище им. В. И. Мухиной (ныне Художественно-промышленная Академия им А.И. Штиглица) и пишущей, как и Елена Гуро, стихи с восьми лет, виртуальное знакомство с такой замечательной представительницей творческой элиты прошлого стало находкой.

Раскрытая тайна

В комнатах деревянного особняка, воссозданного после крупного пожара, удивительным образом сохранился дух прошедшего времени. Было совсем нетрудно представить, что его хозяева лишь ненадолго вышли из дома на прогулку. И скоро вернуться. Иначе здесь воспринимался и «Чёрный квадрат» Казимира Малевича, одна из его многочисленных версий. Наконец, я узнала о причине, побудившей этого авангардиста, поначалу кубо-футуриста, а затем супрематиста, придумать столь знаковый графический образ в искусстве начала XX-го века. Оказалось, что впервые этот мастер, ловко играющий с формой и цветом, написал большой задник сцены в виде чёрного квадрата для 1-го действия, 5-й сцены оперы М. Матюшина «Победа над Солнцем». Мрачный чёрный квадрат олицетворял полную противоположность круглому яркому светилу. Провозглашалось, что в Городе будущего Солнце будет заменено электричеством. Мелодия в опере отрицалась так же, как и Солнце, «атрибут ненавистного прошлого человечества». Начиная с 2015 года, Малевич, уже на холсте напишет ещё несколько чёрных квадратов меньшего размера, сделает множество

подобных рисунков, подведя под эти изображения философскую базу. Он назовёт чёрный квадрат «нулём в искусстве», от которого начинается новый отсчёт в его развитии. На выставке супрематизма Малевич повесит картину с чёрным квадратом в «красном углу», то есть там, где в православном доме принято вешать икону. Недаром художественный критик, основатель объединения «Мир искусства» Александр Бенуа напишет в газете «Речь» 9 января 1916 г.: *«Несомненно, это и есть та икона, которую господа футуристы предлагают взамен мадонн и бесстыжих венер»*.

Но почему же я так много внимания уделила «Чёрному квадрату»? Да потому, что мне хочется понять, как столь нигилистические настроения окружения Елены Гуро, квинт-эссенцией которых стало рождение на свет «Чёрного квадрата» Малевича, могли влиять на становление собственного творческого кредо этой поэтессы и художницы. Ведь она много сил отдала осознанию значения и роли Творца в этом мире. Недаром её личностью заинтересовался сам Александр Блок, поэт-символист, посчитавший размышления поэтессы в очной беседе с ним достойными пристального внимания. А ведь Елена, как и её муж, и члены домашнего кружка, считала себя футуристкой! Но как поверить, что эта маленькая хрупкая женщина, всем сердцем преданная искусству, могла бы согласиться с идеей победы человека над Солнцем, источником жизни на нашей планете!

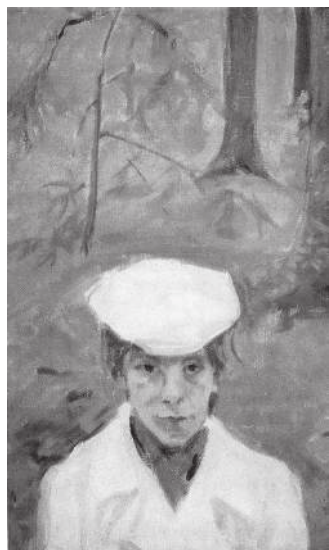
Русский импрессионизм

Перед Великой русской революцией многие интеллигенты-нигилисты безжалостно расшатывали догмы христианства, бойко проповедовали идеи Шопенгауэра, а также Ницше, с его теорией Богочеловека. В живописи и поэзии появилось множество новых направлений, имеющих названия с «измами» на конце. Если говорить о живописи, то предшественником модернизма и абстракционизма, которые зарождались и развивались в «Доме Матюшина», был импрессионизм. К импрессионистам можно отнести и самого Михаила Матюшина и его жену Елену Гуро.

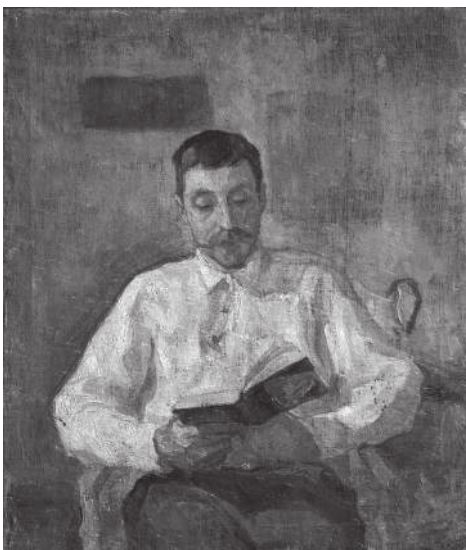
В 1890 году двадцатитрёхлетняя Елена познакомилась в школе живописи Яна Ционглинского с ярким теоретиком, критиком и создателем новых направлений в искусстве Михаилом Матюшиным. Вместе они посещали затем и живописную школу Елизаветы Званцевой, которая находилась этажом ниже знаменитого зала круглой Башни Вячеслава Иванова, собиравшего у себя лучших поэтов Петербурга. Елена и до, и после встречи с Матюшиным много читала и размышляла, создав в своём мировоззрении систему, объединяющую в одно целое парадигмы христианства и буддизма. Могу предположить, что более опытный в жизни и в искусстве М. Матюшин, концертмейстер Императорской Певческой Капеллы и страстный художник-любитель, будучи старше своей жены на 16 лет, был для неё большим авторитетом. Полюбить такого человека – значило разделить его разносторонние и порой парадоксальные взгляды. Елена увлеклась его оригинальными идеями в области синтеза живописи, музыки и слова. Главной целью обоих теоретиков и практиков стал поиск путей создания самых выразительных художественных образов.

Необычный портрет

Матюшину, как творцу-мужчине, была более свойственна рациональность в творчестве, а Елене – эмоциональность. Поэтому многие искусствоведы считают именно Елену Гуро истинным импрессионистом в живописи и стихосложении. Но всё-таки оба супруга стремились в своих живописных и литературных работах ухватить и остановить мгновение действительности, с его колеблющимся светом и тенью, с мимолётным выражением лица человека, с его движениями тела. Типичный пример – портрет

М. Матюшин.
Портрет Е. Гуро

Елена Гуро.
Портрет М. Матюшина

Елены Гуро, сделанный Михаилом Матюшинным. В нём нет тщательной проработки деталей, главное – цвет и свет. Так, шляпа героини и её плащ ослепительно сияют, плавятся под ярким солнцем. Голубой шарф, лёгкая голубая окантовка белой одежды и едва заметные голубые тени на ней и на белой шляпе выглядят, как отсветы ясного неба. Да и весь летний пейзаж картины, в котором преобладают охра и хром, кажется тёплым, словно бы тающим под лучами солнца. Выражение лица героини не типично: Елена смотрит на зрителя в упор, весьма сосредоточенно, без тени кокетства или самолюбования. Её губы напряжены. Можно предположить, что художница сама в этот момент внимательно изучает свою будущую натуру – самого Матюшина.

Этюд как самоцель

Живописные и графические работы Елены Гуро выполнены в очень похожей манере. Она сознательно стремится к этюдности, незавершённости своих произведений, чтобы сохранить истинность первого впечатления от натуры. Таковы и её стихи. В них нет жёсткой проработки формы. Они мало ритмизированы. Чаще всего это верлибр или свободный стих, в котором слышна разго-

ворная интонация автора. А если есть рифма, то она явно не является самоцелью. Вот, к примеру, такой отрывок из стихотворения о безучастном отношении публики к красоте фрески в кафе:

В белом зале, обиженном папиросами
Комиссионеров, разбившихся по столам:
На стене распятая фреска,
Обнажённая безучастным глазам.

Она похожа на сад далёкий
Белых ангелов – нет одна –
Как лишённая престола царевна,
Она будет молчать, и она бледна.

Стихи Е. Гуро образны, но не претендуют на взрывную энергетику. В них поэтесса очень естественна, искренна. Она обращается к своему читателю, как к близкому другу, и жалеет собаку с обрубленным хвостом, береговую линию, лишённую леса. Ведь всё это дело рук неразумного и жестокого человека. Она призывает поэтов беречь Красоту, но в её призывах нет крика. В стихах Елены мы словно бы слышим её негромкий взволнованный голос.

Разрушители-победители

На мой взгляд, милосердное, сострадательное отношение поэтессы ко всему живому, её христианская любовь и доброта не

слишком-то хорошо могли уживаться с агрессивными устремлениями футуристов-авангардистов, окружающих Елену. Если её супруг будет яростно и без разбора бить по клавишам на представлении своей оперы «Победа над Солнцем», то, зная творчество Е. Гуро, крайне трудно представить поэтессу «обижающей» резкими ударами рояль. Ведь, читая её стихи, понимаешь, что она видит душу и в неживых предметах. И лично мне близка эта позиция.

Конечно, многие усилия футуристов, к которым причисляла себя и Елена, дадут и свои положитель-

Елена Гуро.
Портрет М. Матюшина

ные плоды. В настоящее время проблема синтеза всех направлений искусства, которая так волновала Елену Гуро, стала особо актуальной, – над ней работают многие творцы искусства. Опыты с цветом Михаила Матюшина будут использованы советскими архитекторами в создании новых проектов зданий, ими заинтересуются и дизайнеры, и психологи. Да и само абстрактное искусство с годами приобретёт высокий статус во всём мире. В Санкт-Петербурге картины отечественных супрематистов и кубо-футуристов появятся в нескольких залах Русского музея. Работы современных авангардистов займут целиком Мраморный дворец на Неве. Всё же меня такие произведения интересовали лишь во времена их запрета – за их необычность. Ныне форма, превалирующая над содержанием, кажется мне холодной, лишённой Божественной искры Любви.

Созидательница

Но так ли безопасны для самих художников и поэтов игры с абстракциями, погоня за чрезвычайной оригинальностью? Думаю, что вовсе не устарели призывы Н. Некрасова к людям искусства: «Сейте разумное, доброе, вечное!». И поэтому мне кажется, что Елена Гуро, стремившаяся твёрдо встать на путь новейшего искусства и литературы, не могла своей христианской душой, которая высвечивается в её произведениях, согласиться с его повышенной сухой рациональностью. Её живопись и стихи лишены жёсткости, к которой так стремились футуристы. В них мы всегда слышим призыв к Добру и Свету. А вот более агрессивных по своей природе творцов-мужчин манило, в первую очередь, разрушение прежнего мира и желание уже потом, на его обломках, как поётся в «Интернационале», создать совершенно новый и справедливый мир будущего. Непонятно, как такая негативная концепция могла импонировать Елене Гуро, умевшей тонко ощущать не только мир человека, но и растений, проникать в ощущения животных? Я могу лишь высказать в этом направлении свои догадки о драме этого Художника. Мне кажется, что лейкемия и затем сама ранняя смерть Елены как-то связана с внутренней драмой её сознания. Невозможно стремиться слиться духовно с идеями дерзкого переустройства мира, проповедуемого мужем и его соратниками, и сохранять в себе данную от рождения, укреплённую воспитанием в дворянской семье христианскую душу.

Пусть представление оперы Матюшина состоялось уже после смерти Елены, в декабре 2013 года (она умерла вне Петербурга, в апреле этого же года). Всё же сам замысел оперы с её «отрицательным» сюжетом, как мне кажется, ранее уже присутствовал в жизни двух супругов, как «иде фикс». Не на пустом же месте эта опера родилась!

Смелые и одновременно наивные, такие чистые строчки поэтессы вырисовывают образ Поэта, стремящегося сохранить гармонию мира, милующего всех божьих тварей. Умение синтезировать слово и краску, линию и ритм – всё это у Елены Гуро имеет созидательную окраску, пусть и с примесью трагедийности. Эта поэтесса и художница, как никто другой, чувствовала, к чему приведёт стремление её товарищей «будетлян» – к созданию техногенного Города Будущего, где живому и естественному уже не найдётся места. А ведь этот путь сейчас всё укрепляется. И мы уже со всей определённости понимаем – Природа в опасности! Елена же это знала давным-давно. И, на мой взгляд, поэтесса не выдержала противоречия со своим окружением. Она, не дождавшись нескольких дней до своего тридцатилетия, умерла от рака крови на своей бревенчатой даче в Финляндии, бывшей тогда ещё на территории России. Очевидцы её похорон трогательно описывали картину деревенского погребения на старинном кладбище в кругу близких людей. Они верили, что именно так, под гулкий шум сосен и лепет листвы берёз и хотела быть погребена сама Елена Гуро.

А у меня судьба талантливой женщины вызвала такие строки:

Елене Гуро

И никто, никто прохожий не заметил
Нестерпимо наивную улыбку фонаря

Елена Гуро

Темнеет от старости и не блестит серебро,
И только Серебряный век не тускнеет с годами,
Ясней проявляется облик Елены Гуро,
Далёкий от образа светской изысканной дамы.

Как лампа горячая манит к себе мотыльков,
Так дом на Песочной сзывал на огонь футуристов –
Приветливый «гуро-матюшинский» творческий кров.
Здесь в поисках Нового каждый художник неистов.

Да вряд ли Елене нужна против Солнца борьба,
Ведь любит Природу, а город не кажется раем,
Но стать будетлянкой, считает, – завидна судьба.
А жизнь постепенно растает, как снег перед маем.

Ей сосны помашут ветвями пред самым концом,
И ветер Финляндии к окнам примчится с залива,
Чуть скрипнет, прощаясь, бревенчатый старенький дом.
Душа отлетит. Хорошо ей теперь, не тоскливо.

Но вновь оживёт перед нами Елена Гуро,
Когда прочитаем стихи и замрём у портрета:
Одежда слепит белизной, как лебяжье перо,
А взгляд напряжённый – Художника и Поэта.

Санкт-Петербург